

Археология Северной Евразии первобытной и античной эпохи

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.8.22>**НЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК БОЛЬШАЯ УМЫТЬЯ 100
НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПЛАНИГРАФИЯ,
ХРОНОЛОГИЯ, СТРАТИГРАФИЯ**

© 2023 г. Т.Ю. Клементьева, А.А. Погодин, А.Я. Труфанов

В статье представлены результаты исследования неолитического могильника Большая Умытья 100, расположенного в верховьях р. Конды – левого притока р. Иртыш. Могильник – биритуальный. Захоронения – ингумации и кремации, выполнены в прямоугольных могилах, ориентированных СЗ–ЮВ. Тела усопших размещались в вытянутом положении головой на СЗ, кремированные кости – по центру ям. Останки засыпались охрой. По данным стратиграфии и ¹⁴С-датирования установлено, что наиболее древними были захоронения первого могильного ряда. В них присутствовал погребальный инвентарь – подновленные каменные орудия (тесла, стамеска, острие, наконечник стрелы, струг), а также уникальные артефакты – смоляные бусины-пронизки и изделие из человеческого черепа. В погребениях с планировкой, отличной от центральных могил и располагавшихся на периферии могильника, охра, останки и инвентарь не обнаружены. По немногочисленным находкам посуды шоушминского типа в могилах и на древней поверхности могильник отнесен к среднему периоду неолита р. Конды VI тыс. до н. э. По масштабам и устройству погребального поля памятник сопоставим с крупными мезо-неолитическими могильниками VIII–VI тыс. до н. э. северо-востока Европы.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, неолит, погребальный обряд, хронология, ингумация, кремация.

**NEOLITHIC BURIAL GROUND BOLSHAYA UMYTIA 100
IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA: PLANOGRAPHY,
CHRONOLOGY, STRATIGRAPHY**

T.Yu. Klementyeva, A.A. Pogodin, A.Ya. Trufanov

The article presents the results of a study of the Neolithic burial ground Bolshaya Umytia 100, located in the upper part of the Konda River – the left tributary of the Irtysh River. The burial ground is characterized by biritual mortuary practice, i.e. inhumation and cremation in rectangular-shape burials, oriented NW–SE. The deceased were buried in a stretched position with their heads to the NW, cremated bones – in the center of the pits. The remains were covered with ochre. According to stratigraphy and carbon-14 dating, it was found that the most ancient were the burials of the first grave row. The recorded grave goods include renovated stone tools (adzes, chisel, point, arrowhead, plane tool), as well as unique artefacts – resin tube beads and an item made of a human skull. In contrast, the graves on the periphery of the burial ground with a spatial structure different from that of the central ochre graves, yielded no skeletal remains and grave goods. According to the few finds of Shoushma-type ceramics inside graves and on the ancient surface, the burial ground is dated back to the Middle Neolithic of the VI millennium BC at the Konda River. In terms of the scale and structure of the cemetery, the site is comparable to the large Meso-Neolithic burial grounds of the VIII–VI millennium BC in the northeast of Europe.

Keywords: archaeology, Western Siberia, Neolithic, burial rite, chronology, inhumation, cremation

Источники по погребальной практике населения эпохи камня на севере Западной Сибири долгое время оставались малочисленными (Беспрозванный, Старостина, 1986; Беспрозванный, Погодин, 1998). Крупнейшим исследовательским достижением явилось открытие в 2012 г. мезо-неолитического могильника на

поселении Большая Умытья 100 в верховьях р. Конды. Результаты его исследований позволили обозначить основные черты погребальной практики и направление культурных связей таежного населения севера Западной Сибири в неолите. Материалы могильника Большая Умытья 100 ранее были представлены на

конференциях и включены в обобщающую статью по погребальной практике мезо-неолитического населения р. Конды (Клементьева, Погодин, 2020а). Цель настоящей работы – характеристика погребений среднего неолита, их хронология и стратиграфия.

Расположение и история исследования. Могильник обнаружен при изучении многослойного поселения Большая Умытья 100 в 2011–2013 гг. экспедицией ООО НАЦ «АВКОМ – Наследие». Памятник находится в Советском районе ХМАО – Югры, в 56,27 км к ЮЮВ от ж/д станции Верхнекондинская, его территория приходится на юго-западную часть гривы (высотой до 5,0 м), расположенную при слиянии р. Большая Умытья с ее правым притоком р. Вершина (рис. 1: А, Б). Территория памятника в древности неоднократно посещалась для совершения захоронений, долговременного проживания и сезонных стоянок, для сооружения ловчих ям и производственных площадок. На площади 9127 кв. м (рис. 1: Г) зафиксировано 8 этапов освоения территории памятника – от мезолита до нового времени (Погодин, Труфанов, 2017), в их числе 122 погребения эпохи камня (рис. 1: Ж).

Методика исследования. При раскопках применялась индивидуальная фиксация находок, просев грунта из погребений, хозяйственных ям и котлованов построек. Однако антропологический материал и погребальный инвентарь обнаружены далеко не во всех могилах. Останки нередко фиксировались лишь в виде костного тлена, который рассыпался при извлечении из грунта, или по более темному грунту, имевшему очертания костей (рис. 3: 1, 5). Эта специфика погребальных комплексов севера Западной Сибири определяет необходимость рассмотрения методического вопроса – являются ли ямы без антропологического материала и инвентаря погребениями? По В. С. Ольховскому, для признания памятника погребением необходимо наличие как минимум двух из трех групп элементов: погребального сооружения (ямы), останков, погребального инвентаря. При наличии двух первых групп элементов (яма и останки) погребение считается безынвентарным. При наличии в могиле только вещей – кенотафом. Ямы без останков усопшего и погребальных вещей не всегда можно определить как кенотаф, т. к. это может быть либо неоконченное погребальное, либо жертвен-

ное сооружение (Ольховский, 1986. С. 70). При анализе погребальных памятников севера Западной Сибири необходимо учитывать условия сохранности – органика, в том числе сырая кость (останки погребенных и изделия), в песчаном грунте сохраняются редко. По включенности ям без останков и погребального инвентаря в планиграфическую структуру могильников, особенностям формы и пропорций, наличию в них охры и/или угля, считаем возможным отнесение таких ям к погребениям. Подобная практика применяется в изучении погребальных памятников Северной Европы (Ahola, 2015). Для удобства описания погребений Большой Умытьи 100 нами было введено условное деление на «могилы» – погребения с останками и/или погребальным инвентарем (35 ед.) и «ямы» – погребения без останков, инвентаря, а иногда и без охры (83 ед.). По ¹⁴C-датированию угля, стратиграфическим наблюдениям и особенностям формы могильных ям, на территории некрополя выделено как минимум три хронологических периода захоронений: могильник эпохи мезолита, могильник среднего неолита и погребение позднего неолита (Клементьева, Погодин, 2020а).

Могильник *средне-неолитического периода* представлен 118 погребениями. Значительная часть гривы осталась неисследованной и вероятно захоронения этого времени еще будут изучены при последующих раскопках. Но, что также очевидно, многие погребения были полностью или частично разрушены строительством углубленных жилищ поздне-неолитического поселка, в бронзовом веке и при прокладке коммуникаций нефтяного месторождения (рис. 1: Ж).

В структуре могильника среднего неолита зафиксировано четыре длинных ряда. Первый ряд – центральный; некоторые из могил разрушены котлованами построек № 14 и 25 позднего неолита и современными траншеями. Сохранилось 21 погребение. Могильные ямы прямоугольной формы, расположены друг от друга на расстоянии от 0,25 м до 1,4 м. В южной и центральной частях ряда они ориентированы СЗ–ЮВ, в северной – З–В. В юго-западной части этого ряда локализована группа из четырех погребений (мог. 21, ямы 51А, 74, 54) с канавками по периметру ниже дна могильных ям. В заполнении всех погребений первого ряда присутствовала

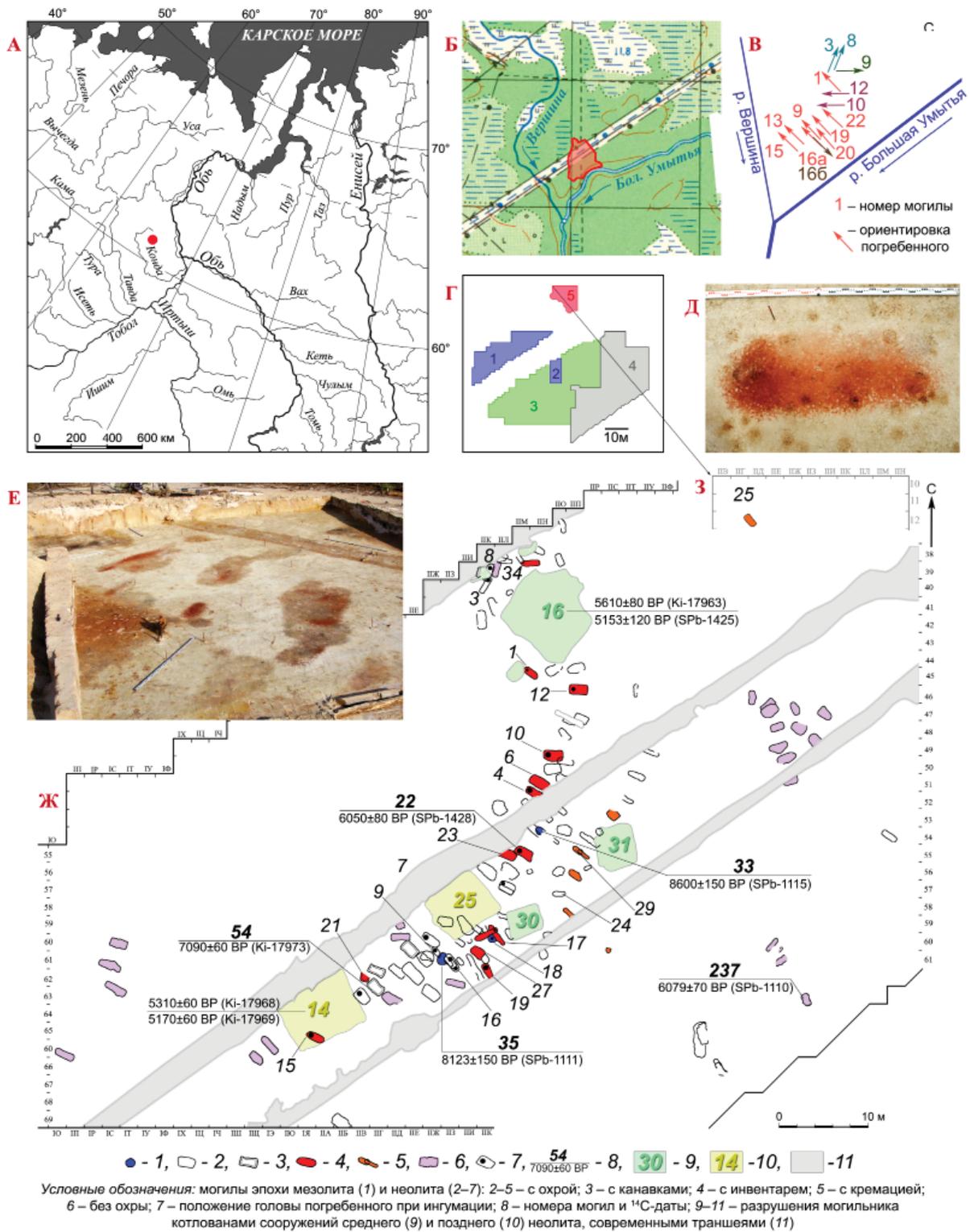

Рис. 1. Поселение Большая Умытъя 100. А, Б – расположение и территория памятника; В – ориентировка погребенных относительно рек; Г – схема раскопов 1–5; Д – мог. 1, вид с ЮЗ; Е – могилы и котлованы сооружений № 25 и 30 (вид с СЗ); Ж – схема расположения могил и неолитических котлованов в раскопах 3 и 4; 3 – мог. 25 в раскопе 5. Фото А. А. Погодина.

Fig 1. Bolshaya Umytia 100 settlement. А, Б – the location and territory of the site; В – orientation of the buried persons in relation to the rivers; Г – excavation areas No. 1–5; Д – grave 1, view from the SE; Е – burials and foundation-pits of the dwellings No. 25 and No. 30 (view from the NW); Ж – planography of the burials and Neolithic foundation trenches in excavation areas No.3 and No. 4; 3 – grave 25 in excavation area No. 5. Photo by A.A. Pogodin.

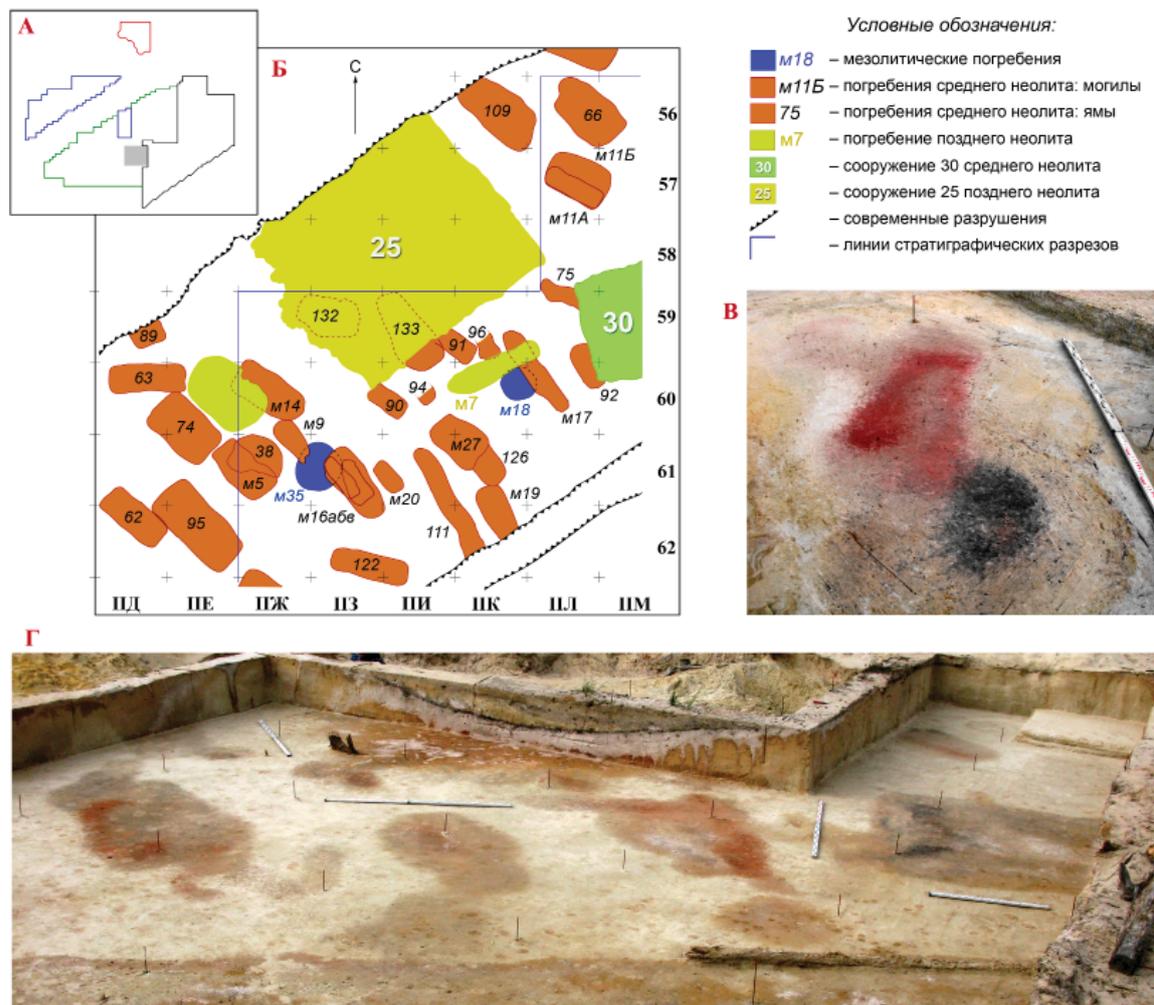

Рис. 2. Поселение Большая Умытья 100. А – уч. ПД–ПМ/56–62 на схеме раскопа (серый цвет);
 Б – сводный план сооружений мезолита – позднего неолита, изученных на уч. ПД–ПМ/56–62;
 В – уч. ПЖ–И/61–62 на уровне 61,65 м: вид с СЗ на мог. 16А и 16Б среднего неолита и мог. 35 эпохи мезолита;
 Г – уч. ПЖ–И/59–62, ПЛ–М/56–63 на уровне 62,16 м: вид с ЮВ на погребения среднего неолита (мог. 7, 5, 9, 11а, 11б, 14, 16а, 16б, 16в, 17, 19, 20 и ямы 92, 90, 94, 91, 96, 126) и котлован сооружения № 30 среднего неолита и сооружения № 25 позднего неолита. Фото А. А. Погодина

Fig. 2. Bolshaya Umytia 100 settlement. А – square ПД–ПМ/56–62 on the plan of excavation area (grey);
 Б – general plan of Mesolithic – late Neolithic structures, studied inside of the sq. ПД–ПМ/56–62; В – sq. ПЖ–И/61–62 at the level of 61.65 m: view from NW of the Middle Neolithic graves 16A and 16B and the Mesolithic grave 35;
 Г – sq. ПЖ–И/59–62, ПЛ–М/56–63 at the level of 62.16 m: view from the SE of the Middle Neolithic burials (graves 7, 5, 9, 11a, 11b, 14, 16a, 16b, 16b, 16b, 17, 19, 20 and pits 92, 90, 94, 91, 96, 126) and the Middle Neolithic foundation trench of the dwelling No. 30 and the late Neolithic dwelling No. 25. Photo by A.A. Pogodin

охраны. В пяти из них обнаружены останки и погребальный инвентарь (мог. 1, 4, 6, 10, 12), в двух – останки (мог. 13 и 14), еще в трех – только погребальный инвентарь (мог. 15, 21, 23). В заполнении одиннадцати погребений (ямы 54, 62, 74, 132, 109, 69, 117, 46, 105, 108 и 51А) останки и погребальный инвентарь не найдены. Антропологический материал из погребений первого ряда не несет признаков высокотемпературного воздействия. Погребальный инвентарь представлен каменными

орудиями – шлифованными теслами (рис. 7: 7–9), острием (рис. 7: 5), стамеской (рис. 7: 1), пренуклеусом, стругом и ретушированным наконечником стрелы (рис. 7: 2–4), украшениями – пронизками из смолы (рис. 8); просверленным фрагментом человеческого черепа (рис. 3: 2), керамикой шоушминского типа (рис. 6: 2). Полагаем, что захоронения этого центрального ряда выстраивались в направлении с ЮЗ на СВ. Из ямы 54 в юго-западной

локации по углю получена дата 7090 ± 60 BP (Ki-1796), 6066–5843 кал. л. до н. э.¹

Второй ряд могил состоял как минимум из 11 погребений, он параллелен центральному ряду и расположен к югу от него. Некоторые погребения второго ряда примыкают вплотную к могилам первого ряда или прорезают их². Несколько ям в середине ряда разрушены котлованом сооружения № 25 позднего неолита и траншеей нефтепровода. Могильные ямы в этом ряду прямоугольные, ориентированы СЗ–ЮВ. Охра отмечена в 10 погребениях. В яме 88 в юго-западной части ряда охры не было. В могилах 5 и 22 найдены останки и инвентарь, в могилах 9 и 11Б – только останки, а в ямах 66, 85, 88, 95, 133, 135, 136 ничего не обнаружено. Вещи из могил – каменный скел и фрагмент округлодонного сосуда с шагающе-гребенчатым орнаментом (рис. 6: А – 5; Б). Могила 9 в южной части второго ряда является парным захоронением. Из могилы 22 в центре второго ряда датирован уголь – 6050 ± 80 BP (SPb-1428), 5212–4782 кал. л. до н. э. (рис. 1: Ж).

Третий ряд погребений расположен к югу от второго. В его составе не менее 8 погребений – могилы 16В, 20, 11А и ямы 120, 90, 91, 110. Ямы прямоугольные, ориентированы СЗ–ЮВ. Во всех ямах присутствовала охра. Останки погребенных найдены в трех могилах – 16В, 20 и 11А. Интересна стратиграфия могилы 16В, ее яма прорезала восточный край могилы 35 эпохи мезолита (рис. 2: Б, В). В то же время, погребение 16В несколько древнее по отношению к двум могилам 16А и 16Б ярусного типа захоронения. Тела усопших в них лежали головами в противоположные стороны. Существенно позднее над могилами 35 и 16В появилась могила 16А, прорезавшая оба объекта. Особым случаем является впуск погребения 11А в могилу 11Б из второго ряда. Очевидно, что ямы третьего ряда позднее погребений первого и второго рядов, они меньше по размерам и глубине по сравнению с ранними.

Четвертый ряд установлен по десяти объектам – могилам 24, 26, 28, 29 и ямам 162, 97, 101, 99, 64, 65 с охрой в заполнении. Ямы 97 и 101 отчасти разрушены постройкой № 31 среднего неолита с керамикой умытшинского типа. Могила 28 перекрывала южную часть могилы 29. Кости из могил 26, 28 и 29 подверглись высокотемпературному воздействию, в

могиле 24 обнаружены зубы ребенка. Вещей в захоронениях четвертого ряда не было.

На юго-западной площадке могильного поля, южнее погребений четвертого ряда, рядность ям отсутствовала. Здесь вскрыты могилы 19, 27, 17 и ямы 122, 111, 94, 96, 92, 75, 126Б. Ямы 75 и 92 отчасти разрушены постройкой № 30 среднего неолита с керамикой умытшинского типа. Погребение 17 прорезало верх могилы 18 эпохи мезолита. Северная часть могилы 19 прорезана ямой 126Б, которая в свою очередь разрушена ямой могилы 27. В заполнении всех погребений, за исключением ямы 122, присутствовала охра. Антропологический материал без признаков высокотемпературного воздействия найден в могиле 19. Погребальный инвентарь из могилы 17 представлен ретушированным отщепом, из могил 19 и 27 – обломками посуды шоушминского типа (рис. 6: А – 1, 3, 4).

В северной части могильника просматривались ряды захоронений по направлению ЮЮЗ–ССВ. Эти ряды включали 11 погребений (ямы 59, 77, 60, 71А, 134, 44А, 93, 81А и мог. 3, 8, 34). Три из них (яма 59, мог. 3 и 4) частично разрушены внешними ямами постройки № 16 среднего неолита. Антропологический материал без признаков высокотемпературного воздействия найден в могилах 2, 3 и 8 (рис. 3: 5), погребальный инвентарь – шлифованное острие – в могиле 34 (рис. 7: 6).

На восточной и западной периферии могильного поля локализованы короткие ряды погребений, в заполнении которых отсутствовали останки, охра и погребальный инвентарь. В восточной части могильника изучено 11 таких погребений. Шесть из них – ямы 168А, 168, 169, 170, 171, 172 – ориентированы СВ–ЮЗ, выстроены в вытянутый по направлению ССЗ–ЮЮЗ ряд. Еще пять погребений (ямы 167, 181, 185, 184, 240) в этой же части могильника не образуют ряда. Они ориентированы СЗ–ЮВ и ССВ–ЮЮЗ и С–Ю. На юго-восточной периферии могильного поля находится группа из трех погребений (ямы 223–225), образующих короткий ряд, ориентированный СЗ–ЮВ. Ямы прямоугольной и овальной формы вытянуты по длинной оси по направлению СВ–ЮЗ. Группа из четырех погребений (ямы 40–43), выстроенных в ряд, локализована на юго-западной периферии могильного поля. Могильные ямы

Рис. 3. Могильник Большая Умытья 100. Погребения с ингумациями. 1, 2 – мог. 12: 1 – кости черепа, фрагменты зубной эмали и фрагмент изделия из человеческого черепа; 2 – фрагмент изделия из человеческого черепа; 3 – мог. 1, кости черепа и челюсти; 4 – мог. 9, тлен черепа № 1 и фрагменты челюсти; 5 – мог. 3, костный тлен и фрагменты черепа. Вид с севера (1), с юго-запада (3, 5), с юга (4). Фото А. А. Погодина

Fig. 3. Bolshaya Umytia 100 burial ground. Burials with inhumations. 1, 2 – grave 12: 1 – cranium, fragments of tooth enamel and a fragment of an item made of human skull; 2 – fragment of item made of human skull; 3 – grave 1, skull and jaw; 4 – grave 9, remnants of cranium No. 1 and jaw fragments; 5 – grave 3, ashes of bone and skull fragments. View from the north (1), from the south-west (3, 5), from the south (4). Photo by A.A. Pogodin

имели прямоугольную форму, ориентированы СЗ–ЮВ.

На южной периферии локализованы погребения вне рядной структуры – ямы 113, 163, 226, 229 и 229Б, 237. Они прямоугольной формы, ориентированы СЗ–ЮВ. В пяти ямах, кроме 237, была охра. Останки и вещи в объектах отсутствовали. Из ямы 237 по углям полу-

чена дата 6079 ± 70 ВР (SPb-1110), 5212–4810 кал. л. до н. э. (рис. 1: Ж).

На северной периферии могильного поля вскрыта могила 25, с захоронением по обряду кремации (рис. 1: 3; 4). С останками обнаружены два скола шлифованных орудий, осколок плитки, обожжённые кости животных и глина (рис. 4: Г).

«Ядром» неолитического могильника являются длинные ряды погребений, расположенные параллельно друг другу и ориентированные ЮЗ–СВ. Количество могил в этих рядах – от 8 до 21. На востоке и западе в 12–20 м от «ядра» могильника выявлены обособленные локализации с рядной планировкой, включающей от 3 до 6 ям в ряду, а также нерядные захоронения.

Могильные ямы прямоугольной (76%)³, овальной (21%) и сигаровидной (3%) формы, ориентированы СЗ–ЮВ (56%), ЮЗ–СВ (15%) и З–В (10%) (рис. 5: 3). Две трети ям имеют длину от 1,56 м до 2,50 м, глубину от 0,15 м до 1,40 м (рис. 5: 1, 2). Их стенки, вертикальные или слегка наклонные, плавно переходят к чашевидному дну. Четыре ямы по периметру ниже дна имели канавки шириной 0,15–0,20 м и глубиной 0,05–0,18 м.

Дополнительная структура (охра и уголь). В 76% могил присутствовала бордовая или красная охра (рис. 1: Д, Е; 3: 1, 3–5). Абрис охры в плане всегда был четким, в разрезе линза имела очертания уплощенного овала. Слой охры обычно заканчивался на глубине 0,1–0,2 м выше дна могилы. Почвы севера Западной Сибири характеризуются высоким промывным режимом и, несмотря на эту особенность, охра не расплылась по яме, а сохранила четкие очертания. Этот факт может указывать на помещение тела, засыпанного охрой, в мягкие пелены. Концентрация охры увеличивалась от ног погребенного к голове. Как минимум в пяти могилах охра фиксировалась на двух/трех уровнях в верхнем или среднем заполнении ямы. Не исключено, что при отсутствии антропологических останков такие случаи маркируют ярусные захоронения. Примечательно, что погребения без охры располагались на западной, восточной и южной периферии могильного поля (рис. 1: Ж). В центральном массиве зафиксировано лишь 9 погребений без охры. Верхнее и среднее заполнение могильных ям содержало уголь разной степени насыщенности. Включения мелких угольков отмечены на дне могил, на уровне залегания костей без признаков высокотемпературного воздействия.

Останки сохранились плохо – в 29 погребениях обнаружен костный тлен, мелкие фрагменты костей и эмаль зубов⁴. Практиковались ингумация и кремация. При *ингумации* тела

укладывали в выпрямленном положении с вытянутыми вдоль корпуса руками и выпрямленными ногами (рис. 3: 5), лицом вверх или вниз (рис. 3: 3), головой на СЗ (60%)⁵, СВ (13%) и З (13%) (рис. 5: 4). Преимущественно погребенные уложены ногами к р. Большая Умыгтя (рис. 1: В). Преобладают одиночные захоронения. К достоверно парным относится могила 9, в ней два черепа лежали рядом на одном уровне. Могила 16 ярусная, останки двух умерших лежали головами на СЗ и ЮВ.

Кремации. Кости с признаками высокотемпературного воздействия обнаружены в семи могилах. Видимо, таких захоронений было больше, так как сожженные кости найдены в переотложенных грунтах руинированных построек последующих эпох. Шесть кремированных захоронений находились в южной части могильника, еще одно (мог. 25) – на его северной территории (рис. 1: Г, 3; 4). К сожалению, пространство между основным массивом могил и его северной периферией (?) разрушено землеройным карьером. Захоронения с кремациями (как и погребения по обряду труположения) совершены в прямоугольных или овальных ямах, ориентированных СЗ–ЮВ. В могилах присутствовала охра; в ней, преимущественно по центру ямы, залегали кремированные останки. Кремация тел проходила вне территории могильника на открытом пламени при 400°–1000°С. Тело покойника из могилы 25 (рис. 4) сожжено вскоре после наступления смерти. В других случаях сжигались скелетированные останки. В могиле 16В и могиле 29 кремированные останки и кости без термического воздействия залегали совместно.

Половозрастной состав. На могильнике изучены погребения и взрослых, и детей. 14 погребенных умерли после достижения 16–18 лет. В могиле 24 захоронен семилетний ребенок. Зуб ребенка, умершего в возрасте 5–12 лет, найден в сооружении № 14 позднего неолита (при его строительстве были разрушены могилы на юго-западной части некрополя). Детские останки (до 7 лет) определены и среди кремированных костей разрушенных погребений. Пол установлен у шести погребенных: это три женщины и трое мужчин. По мнению Д. И. Ражева, одонтологические признаки – пятибугорковый второй нижний моляр – указывают на присутствие у

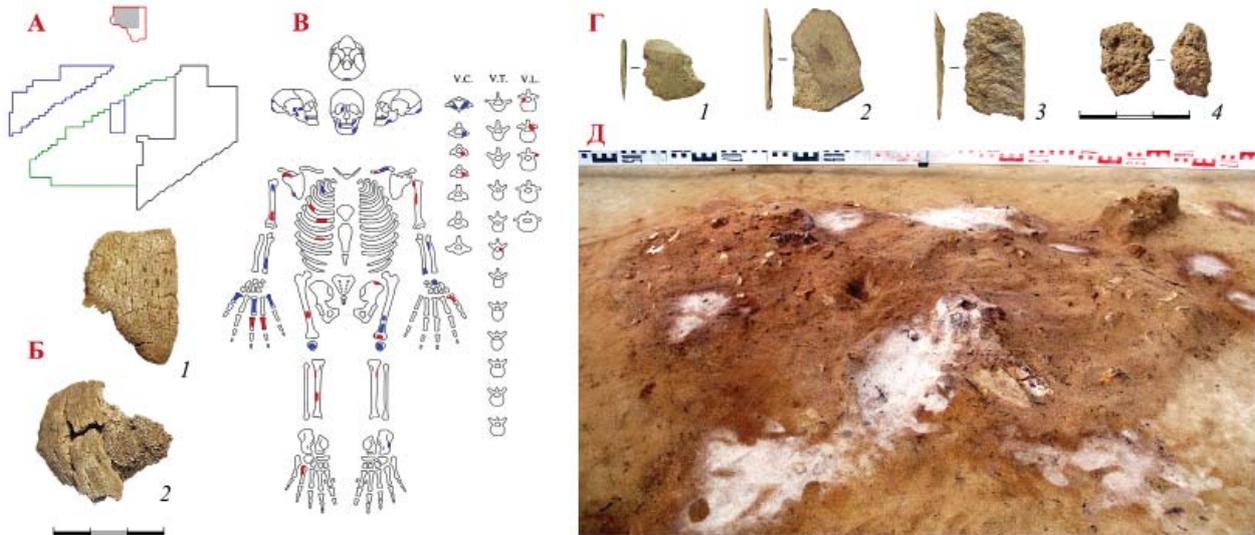

Рис. 4. Могильник Большая Умытья 100. Погребения с кремациями: мог. 25. А – мог. 25 на плане раскопа (серый цвет); Б – фрагменты костей со следами кремирования (1, 2); В – схема сохранности костей (синий цвет – достоверно определенные фрагменты, красный – предположительно); Г – предметы из могилы: 1, 2 – сколы с шлифованных орудий, 3 – скол с плитки, 4 – обожженная глина; Д – вид с северо-запада на расчистку кремированных костей. Фото Е. О. Святовой (Б) и А. А. Погодина (Г, Д)

Fig. 4. Bolshaya Umytia 100 burial ground. Burials with cremations: grave 25. А – grave 25 on the excavation plan (grey); Б – bone fragments with cremation traces (1, 2); В – bone preservation scheme (blue – reliably determined fragments, red – presumably); Г – grave goods: 1, 2 – flakes from polished tools, 3 – plaque flake, 4 – baked clay; Д – view from the NW of the process of work with cremated bones.

Photo by E.O. Sviatova (B) and A.A. Pogodin (Г, Д)

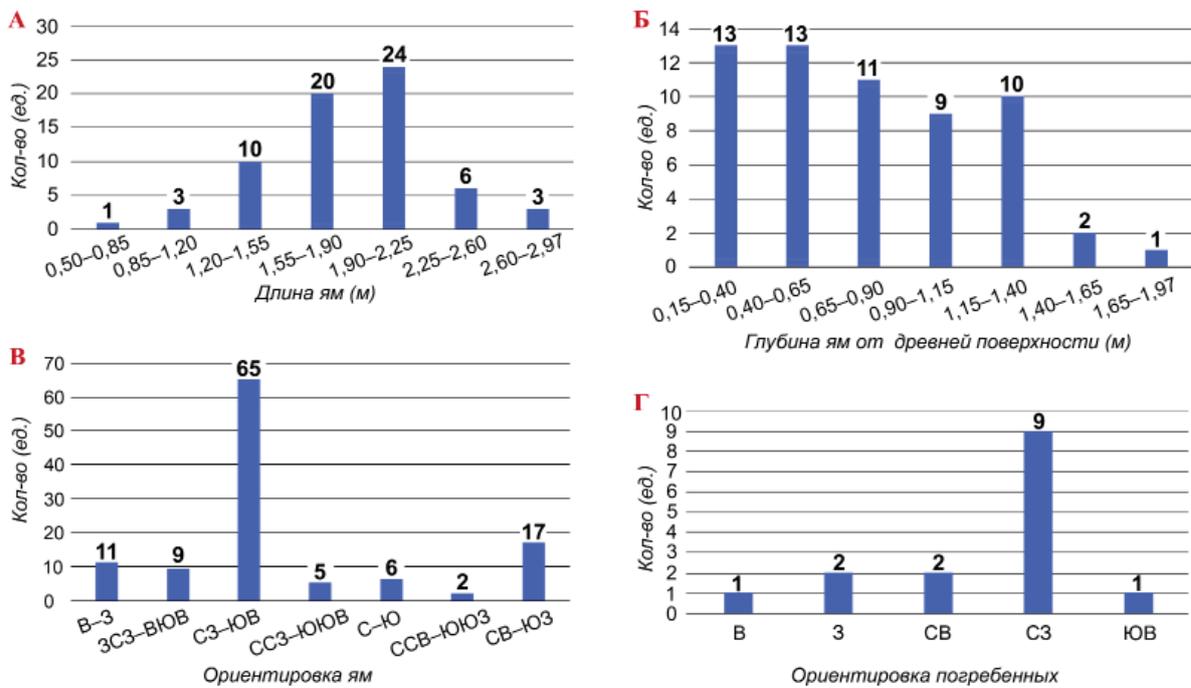

Рис. 5. Могильник Большая Умытья 100. Графики распределения могильных ям по длине (А), глубине от древней поверхности (Б), ориентировке по сторонам света (В) и по направлению головы погребенных (Г).
Fig. 5. Bolshaya Umytia 100 burial ground. Graphs of the distribution of grave pits with regard to the length (A), depth from the ancient surface (B), orientation to the cardinal directions (B) and by the direction of the head of the buried persons (Г).

Рис. 6. Могильник Большая Умытья 100. Погребальный инвентарь: А – керамика из могил 19 (1, 3), 4 (2), 27 (4), 22 (5); Б – сосуд в южной части могилы 22, вид с СВ. Фото А. А. Погодина
Fig. 6. Bolshaya Umytia 100 burial ground. Burial set: А – ceramics from graves 19 (1, 3), 4 (2), 27 (4), 22 (5); Б – vessel in the southern part of grave 22, view from the NE. Photo by A.A. Pogodin

индивида из верхнего яруса могилы 16 генов «восточного» расового ствола (монголоидов). Состояние его зубной системы хорошее, без заболеваний или маркеров физиологического стресса (болезнь, голод), перенесенных в детстве. Погребенный в могиле 28 взрослый индивид перенес при жизни перелом костей.

Погребальный инвентарь. Умерших сопровождали каменные орудия, украшения, обломки посуды (рис. 6–8). Они найдены в 14 погребениях (12%)⁶, а в трех могилах – еще и кости животных. Просматривается закономерность в расположении вещей. В область головы уложены тесла (мог. 10 и 15; рис. 7: 10), строгальный нож, пренуклеус (мог. 1); у пояса – ретушированный отщеп (мог. 17), наконечник стрелы (мог. 1), острие (мог. 4); в ногах – нижняя часть глиняного сосуда (мог. 22; рис. 6: А – 5; Б).

Керамика. В восьми погребениях найдены обломки глиняной посуды. Сосуды фрагментарны, мелкие черепки встречаются как на дне ям (мог. 4, 22, 19), так и в грунтах заполнения (мог. 23, 27). В могилах 4, 11Б, 19, 23 и 27 найдены обломки толстостенных сосудов шоушминского типа среднего неолита р. Конды (рис. 6: А – 1–5) (Клементьева и др., 2020). Сосуды украшены стреловидными инструментами в технике прочерчивания с периодическим отступанием и наколами. По внутреннему краю венчиков сформированы массивные утолщения. Фрагменты неолитической посуды шоушминского типа найдены и на горизонте дневной поверхности погребального поля (рис. 9: 1, 2).

В ногах погребенного в могиле 22 лежала нижняя половина сосуда с шиповидным дном

(рис. 6: А – 5; Б). Верхняя часть емкости не сохранилась; судя по диаметру тулова (10 см), емкость небольшая. Толщина ее стенок до 0,6 см, дна – 0,8 см. Сосуд изготовлен из глины с добавлением шамота, охры и органического раствора. Для создания емкости была использована форма-основа, с внутренней стороны стенок видны ее отпечатки. Сосуд, вероятно, изготовлен из одного куска глины⁷. Дно коническое, по центру оформлено небольшое утолщение – шип. Сосуд декорирован отпечатками шагающего зубчатого штампа. Типологическая принадлежность этого сосуда не установлена. Конструирование емкости на форме-основе и плотный шагающе-гребенчатый орнамент характерны для керамики умытьинского и сумпаньинского типов среднего неолита р. Конды. Шиповидная форма дна встречается на посуде умытьинского типа р. Конды (Клементьева, Труфанов, 2019) и быстринской культуры Сургутского Приобья (Поселение Быстрый Кульган..., 2006). Технологические признаки, такие как примесь крупнотолченого шамота, жженая кость, толстые стенки – отличны от умытьинской посуды и более близки шоушминским сосудам. Не исключено, что это один из примеров посуды со смешанными культурными признаками; подобное зафиксировано среди посуды поселения Шоушма 10 (Клементьева и др., 2020).

В заполнении погребений 1, 3 и 12 найдены мелкие (менее 1 см, в количестве 3–22 ед.) черепки тонкостенной керамики умытьинского типа. Такая посуда происходит из сооружения № 16 – стратиграфически более позднего относительно объектов могильника (рис. 9:

Рис. 7. Могильник Большая Умытья 100. Погребальный инвентарь из могил 21 (1), 1 (2–4), 4 (5), 34 (6), 15 (6, 8) 10 (9). 1 – стамеска; 2 – пренуклеус; 3 – струг; 4 – наконечник; 5, 6 – острия; 7–9 – шлифованные тесла;

10 – шлифованное тесло и тлен черепа в западной части могилы 10, вид с СЗ. Фото А. А. Погодина

Fig. 7. Bolshaya Umytia 100 burial ground. Burial toolkit from graves 21 (1), 1 (2–4), 4 (5), 34 (6), 15 (6, 8) 10 (9). 1 – chisel; 2 – pre-core; 3 – plane tool; 4 – arrowhead, 5, 6 – points; 7–9 – polished adzes; 10 – polished adze and ashes of skull in the western part of grave 10, view from the NW. Photo by A.A. Pogodin

3, 4). Керамическая крошка поселенческой посуды, вероятно, попала в заполнение могил по корневым или норным ходам.

Изделия из камня. Шлифованные инструменты изготовлены из серо-зеленого сланца. Тесла из могил 10 и 15 (рис. 6: 7–9) и острие из могилы 34 (рис. 6: 6) оформлены оббивкой и продольной шлифовкой, стамеска из могилы 21 (рис. 6: 1) – грубой диагональной шлифовкой. Тесла массивные, трапециевидной в плане формы, в профиле – трапециевидной и линзовидной. Особенностью орудий

из могилы 15 является наличие неглубоких продольных желобков на одной из поверхностей. На теслах выявлены следы утилитарного износа и следы подновления⁸, т. е. с умершими клали использовавшиеся ранее, но целые и даже заново заточенные инструменты. Следы подновления имеются на ретушированном наконечнике и пренуклеусе из могилы 1 (рис. 6: 2, 4). В могилах 22, 23, 25 и 16 обнаружены мелкие отщепы; в могилах 6, 5 и 11 – сколы-чешуйки; в могиле 12 – обломок шлифованного изделия.

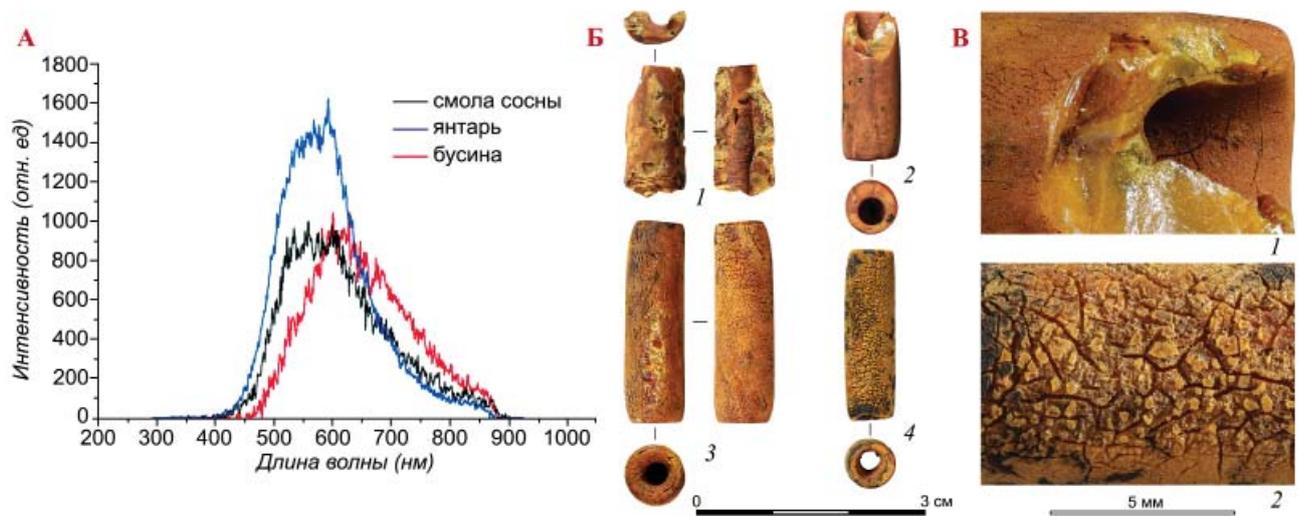

Рис. 8. Могильник Большая Умытъя 100. Смоляные бусины-пронизки из погребения 1:

А – спектры импульсной катодолуминесценции бусины, янтаря и сосновой смолы; Б – бусины-пронизки;

В – макрофото поверхности бусин-пронизок. Аналитика В. И. Соломонова, фото А. Н. Тришкиной

Fig. 8. Bolshaya Umytia 100 burial ground. Resin tube beads from burial 1:

А – spectra of pulsed cathodoluminescence of bead, amber and pine-tree resin; Б – tube beads;

В – macro photograph of the surface of tube beads. Analytics by V.I. Solomonov, photo by A.N. Trishkina

Украшения. Из пронизок состояло ожерелье человека, захороненного в могиле 1. Бусины имеют цилиндрическую форму, длину от 10 до 23 мм и диаметр 6–8 мм (рис. 8: Б). Анализ измерений импульсной катодолуминесценции, термогравиметрии (TG), дифференциальной сканирующей калометрии (DSC) материала бусины⁹, показал, что вещество пронизки имеет органическую природу. С наибольшей вероятностью оно является смолой хвойного дерева (но не сосны!) обсыпанной охрой (рис. 8: А, В). В могиле 12 найдена пластина резца бобра – вероятно, деталь украшения костюма.

Изделие из черепа. Под тленом черепа, индивида, погребенного в могиле 12, обнаружен фрагмент левой (?) теменной кости хорошей сохранности с двумя сквозными отверстиями (рис. 3: 1, 2). В центральной части изделия с внутренней стороны выполнено отверстие овальной формы: 7,2×7,7 мм. Второе отверстие располагается по краю фрагмента. Оно является частью хода, который имел отверстие и на внутренней стороне. Наружный край отверстия представляет дугу правильного круга диаметром 5,5 мм. По мнению Д. И. Ражева, отверстия могли быть как прижизненными, так и перимортальными трепанациями. В пользу прижизненной трепанации свидетельствует наличие валика на наружной поверхности, в пользу посмертных манипуля-

ций с черепом – большой размер внутреннего отверстия в центре фрагмента, позволяющий предположить создание его изнутри.

Хронология и стратиграфия. Датировка могильника по радиоуглероду определяется рамками VI тыс. до н. э. Непрерывность его функционирования столь длительное время сомнительна. Анализ стратиграфии показал, что погребения являются более ранними относительно сооружений № 16, 30 и 31 с умытыньским типом посуды (рис. 9: 3, 4). По сооружению № 16 получены две даты – по углю 5610±80BP (Ki-17963), 4678–4330 кал. л. до н. э. и керамике 5153±120 BP (SPb-1425), 4260–3696 кал. л. до н. э. Сооружения № 14, 28 и 33 с ушьинским комплексом посуды (рис. 9: 5, 6) позднего неолита существовали на рубеже V–IV тыс. до н. э. Даты по углю: 5310±60 BP (Ki-17968), 4324–3988 кал. л. до н. э.; 5170±60 BP (Ki-17969), 4226–3796 кал. л. до н. э.; 5096±70 BP (SPb-1114), 4045–3664 кал. л. до н. э.; 4927±120 BP (SPb-1424), 3976–3381 кал. л. до н. э.; 4890±80 BP (SPb-1109), 3945–3386 кал. л. до н. э.

Культурная принадлежность. По керамической посуде часть погребений можно соотнести с памятниками шоушминского культурного типа среднего неолита р. Конды VI тыс. до н. э. (Клементьева и др., 2020). Каменный инвентарь из погребений, помимо собствен-

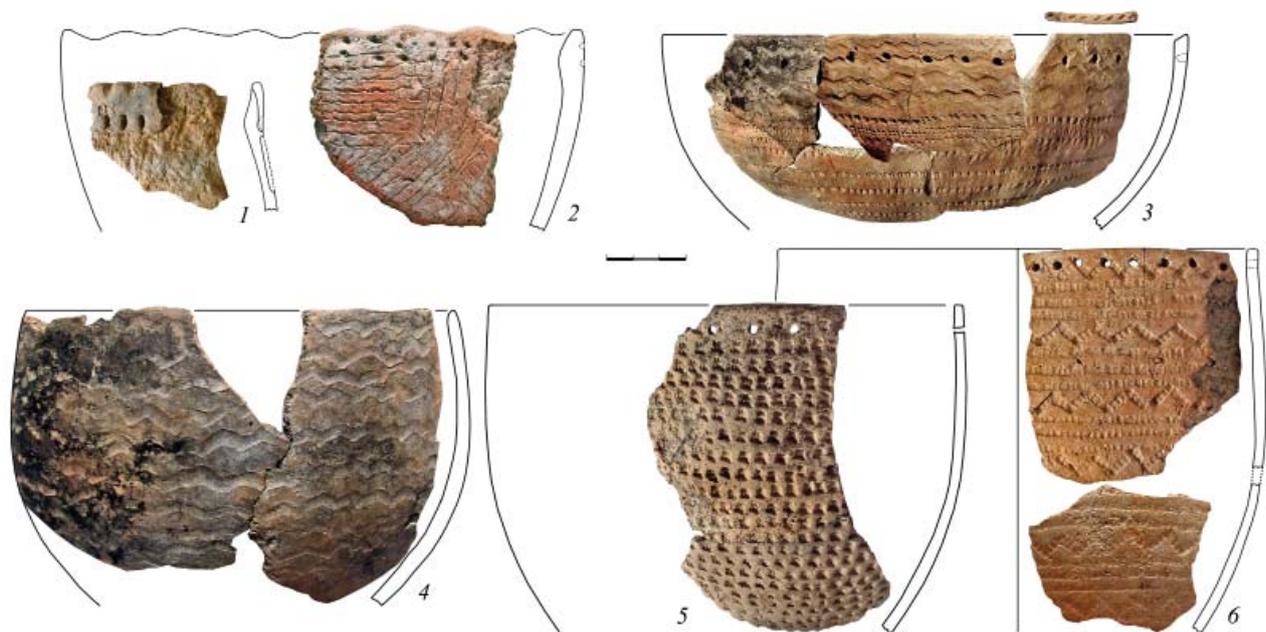

Рис. 9. Поселение Большая Умытья 100. Керамика: 1, 2 – с древней поверхности погребального поля, шоушминский тип; 3, 4 – из сооружения № 16, умытьинский тип; 5, 6 – из сооружений № 14 и 25, ушьинский тип. Фото А. А. Погодина

Fig. 9. Bolshaya Umytia 100 settlement. Ceramics: 1, 2 – from the ancient surface of the cemetery, Shoushma-type; 3, 4 – from dwellings No. 16, Umytia-type; 5, 6 – from dwellings No. 14 and No. 25, Ushia-type. Photo by A.A. Pogodin

но региональных средненеолитических черт, имеет ряд аналогий в комплексах позднего мезолита (поселение Леуши IX) и раннего неолита (поселение Мулымья 3) конца VII тыс. до н. э. (Погодин, 1994, с. 173–174, рис. 1 – 1, 2; Клементьева, Погодин, 2020б).

Заключение. Неолитический могильник был оставлен населением, сохранявшим с эпохи мезолита традицию захоронений на этом месте. Для его материальной культуры характерна преемственность местных мезолитических традиций камнеобработки. Она проявляется в наличии тесел с продольными желобками, аналогии которым известны в материалах позднемезолитического поселения Леуши IX. По посуде прослеживается сходство с посудой шоушминского и, отчасти, умытьинского типов памятников. Исследование биритуального могильника Большая Умытья 100 существенно расширило наши представления о погребальных памятниках конца каменного века в таежной зоне Запад-

ной Сибири. Учитывая, с одной стороны, разнообразие видов погребений, представленных на этом могильнике, а с другой – устойчивость основных черт неолитической погребальной практики, можно идентифицировать среди ранее изученных и вновь выявленных материалов этого региона неолитические погребения без артефактов и антропологических останков. Отсутствие в могилах вещей и останков объясняется не только (и не столько) традициями погребальной практики древнего населения, а сохранностью органики в кислой среде подзолистых почв с высоким промывным режимом. По хронологии и основным чертам погребальной практики (рядная/линейно-рядная планировка некрополей, использование охры, ингумация и пеленание тел) зафиксированы сходства могильника Большая Умытья 100 с могильниками VIII–VI тыс. до н. э. северо-востока Европы (Zagorska, 2016; Гурина, 1956; Костылева, Уткин, 2010, с. 252).

Примечания:

¹ Калибровка дат проведена в программе OxCal v4.4.4, калибровочная кривая IntCal20. В тесте работы калиброванные значения приведены по $\sigma 2$ (вероятность 95,4 %) после радиоуглеродных дат.

² Яма 95 прорезает южную часть ямы 62, могила 9 – юго-западную часть могилы 14 (рис. 2 – Б), могила 22 –

юго-восточную часть могилы 23, яма 135 – верхнее заполнение могилы 10.

³ Здесь и далее от числа захоронений среднего неолита – от 118.

⁴ Изучение антропологического материала проведено в. н. с. ИПСО СО РАН, к. и. н. Д. И. Ражевским и Е. О. Святовой. Кости из могил 1, 6 и 12 среднего неолита были отправлены на радиоуглеродный анализ (Университет Гронингена), кости из могилы 7 позднего неолита – на генетический анализ (Гарвардский Университет). В обоих случаях исследования не дали результатов из-за отсутствия коллагена.

⁵ Здесь и далее – от количества погребений, выполненных по обряду ингумации – от 22.

⁶ От количества погребений среднего неолита – от 118.

⁷ Техничко-технологический анализ керамики выполнен с.н.с. ИИиА УрПО РАН, к.и.н. Е. Н. Дубовцевой.

⁸ Определение выполнено с.н.с. ИИМК РАН, к.и.н. Е. Ю. Гирей.

⁹ Анализ проведен в.н.с. Института электрофизики УрО РАН В. И. Соломоновым.

ЛИТЕРАТУРА

Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. К вопросу о культовых представлениях мезолитического населения бассейна р. Конды // ВАУ. Вып. 23 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1998. С. 48–62.

Беспрозванный Е.М., Старостина Е.Е. Погребение в Нижнем Приртышье // Проблемы урало-сибирской археологии / ВАУ. Вып. 18 / Отв. ред. Л.П. Хлобыстин. Свердловск: Урал. ун-т, 1986. С. 33–38.

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник / МИА. № 47. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 431 с.

Дубовцева Е.Н., Клементьева Т.Ю. Поселение Чилимка V и его место в неолите таёжной зоны Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 139–148.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Технология орнаментации посуды позднего неолита поселения Большая Умытъя 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири / Отв.ред. А.Я. Труфанов. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. С. 20–49.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Погребальная практика населения бассейна Конды в мезолите и неолите // Самарский научный вестник. 2020а. Том 9. № 1 (30). С. 131–141.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020б. Т. 19. № 7. С. 216–228.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А., Дубовцева Е.Н. Поселение раннего неолита Шоушма 10 в верховьях реки Конды // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 84–99.

Клементьева Т.Ю., Труфанов А.Я. Культурно-хронологические комплексы эпохи неолита на поселении Большая Умытъя 109 // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 1 (44). С. 20–33.

Костыльёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1. С. 65–76.

Погодин А.А. Мезолитические рубящие орудия таежного Обь-Иртышья // Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Тез. докл. 22–25 марта 1994 / Отв. Ред. И.Л. Манькова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. С. 173–176.

Погодин А.Я., Труфанов А.Я. Памятник лозьвинской культуры на поселении Большая Умытъя 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. С. 59–87.

Поселение Быстрый Кульеган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / под ред. Л.Л. Косинской, А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006. 192 с.

Ahola M.E. Tracing Neolithic Funerary Practices from Finnish Ochre Graves – a Case Study from Kukkaroski Comb Ware Burial Ground // Thanatos. 4 (2). 2015, p. 23–40. – URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/310555> (дата обращения: 10.11.2022).

Zagorska I. Mesolithic burial traditions in Latvia. A case study from Zvejnieki burial ground // Mesolithic burials – Rites, symbols and social organization of early postglacial communities. International Conference Halle (Saale), Germany, 18th – 21st September 2013 / Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte. Band 13/1. Halle. 2016, p. 229–238. – URL: https://www.academia.edu/37592786/Mesolithic_burials_Rites_symbols_and_social_organisation_of_early_postglacial_communities (дата обращения: 10.11.2022).

Информация об авторах:

Клементьева Татьяна Юрьевна, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН; специалист-археолог ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» (г. Екатеринбург, Россия); klementjevaT@yandex.ru

Погодин Андрей Альбертович, заместитель директора по научно-исследовательской работе, ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» (г. Екатеринбург, Россия); pogodin1966@yandex.ru

Труфанов Александр Яковлевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ООО НАЦ «АВ КОМ – Наследие» (г. Екатеринбург, Россия); trufanov_alex@rambler.ru

REFERENCES

Besprozvanny, E. M., Pogodin A. A. 1998. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 23. Ekaterinburg: Ural State University, 48–62 (in Russian).

Besprozvanny, E. M., Starostina, E. E. 1986. In Khlobystin, L. P. (ed.). *Problemy uralo-sibirskoy arkheologii (Issues of Ural-Siberian archaeology)*. Series: *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 23. Sverdlovsk: Ural State University, 33–38 (in Russian).

Gurina, N. N. 1956. *Oleneostrovskiy mogil'nik (Oleneostrovsky Burial Ground)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 47. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Dubovtseva, E. N., Klementyeva, T. Yu. 2022. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Bulletin)* 2 (75), 139–148 (in Russian).

Klementyeva, T. Yu., Pogodin, A. A. 2017. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoy Sibiri (Archaeology and history of Northwest Siberia)*. Neft'yugansk; Ekaterinburg: “Ural'skii rabochii” Publ., 20–49 (in Russian).

Klementyeva T. Yu., Pogodin, A. A. 2020. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 30 (1), 131–141 (in Russian).

Klement'eva T. Yu., Pogodin, A. A. 2020. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 19 (7), 216–228 (in Russian).

Klementyeva, T. Yu., Pogodin, A. A., Dubovtseva E. N. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 33 (3), 84–99 (in Russian).

Klementyeva, T. Yu., Trufanov, A. Ya. 2019. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istorii» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 44 (1), 20–33 (in Russian).

Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2010. Neo-eneoliticheskie mogil'niki Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: planigraficheskie i khronologicheskie struktury (Neolithic -Eneolithic Burial Grounds on the Upper Volga and the Volga-Oka Interfluvium: Planigraphic and Chronological Structures). Moscow: “TAUS” Publ. (in Russian).

Ol'khovskiy, V. S. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 65–76 (in Russian).

Pogodin, A. A. 1994. In Man'kova, I. L. (ed.). *Surgut, Sibir', Rossiya. (Surgut, Siberia, Russia)*. Ekaterinburg: Ural State University, 173–176 (in Russian).

Pogodin A. A., Trufanov, A. Ya. 2017. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoy Sibiri (Archaeology and history of Northwest Siberia)*. Neft'yugansk; Ekaterinburg: “Ural'skii rabochii” Publ., 59–87 (in Russian).

Kosinskaya, L. L., Trufanov, A. Ya. (eds.). 2006. *Poselenie Bystryy Kul'egan 66: pamyatnik epokhi neolita Surgut'skogo Priob'ya (Bystryy Kulyogan 66 settlement: Neolithic site of the Surgut Ob region)*. Ekaterinburg; Surgut: “Ural'skoye izd-vo” Publ. (in Russian).

Ahola, M. E. 2015. In *Thanatos*. 4 (2). 23–40. Available at: URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/310555> (accessed: 10.11.2022) (in English).

Zagorska, I. 2016. In *Mesolithic burials – Rites, symbols and social organization of early postglacial communities. International Conference Halle (Saale), Germany, 18th – 21st September 2013 / Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte. Band 13/1. Halle. 229–238*. Available at: URL: https://www.academia.edu/37592786/Mesolithic_burials_Rites_symbols_and_social_organisation_of_early_postglacial_communities (accessed: 10.11.2022) (in English).

About the Authors:

Klementyeva Tatiana Yu. Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Science. S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation; SAC SAC “AV COM – Nasledie”. Ltd. Tokarei Str., 24a, Ekaterinburg, 620028, Russian Federation; KlementjevaT@yandex.ru

Pogodin Andrey A., Deputy General Director, SAC “AV COM – Nasledie”. Ltd. Tokarei Str., 24a, Ekaterinburg, 620028, Russian Federation; pogodin1966@yandex.ru

Trufanov Alexander Ya. Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Senior Researcher, SAC “AV COM – Nasledie”. Ltd. Tokarei Str., 24a, Ekaterinburg, 620028, Russian Federation; trufanov_alex@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2023 г.
Статья принята к публикации 01.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.